

Сы Юэ только и смог, что несколько раз ошарашенно выдохнуть «о».

Бай Цзянь с улыбкой наблюдал за ним:

— Так сильно удивлен?

— Ну... это было неожиданно, — Сы Юэ убрал руку; ощущение липкой крови на ладони вызывало дискомфорт. — Просто у нас, людей, тридцатилетних уже всю донимают браком, а ты дожил до трехсот и женишься впервые...

— Будь мои родители живы, я бы тоже столкнулся с этим гораздо раньше, — ответил Бай Цзянь.

Как бы ни различались люди и тритоны, инстинкт размножения у всех одинаков. Это закон природы.

— А твои родители? — Сы Юэ вспомнил, как Бай Цзянь говорил, что чета преподавателей из университета Цинбэй — не его настоящие отец и мать. Тогда кто же они? Если они живы, им должно быть за четыреста, а то и больше.

Взгляд Бай Цзяня за стеклами очков оставался спокойным:

— Они ушли много лет назад.

«Получается, все эти столетия Бай Цзянь был совсем один?»

При этой мысли Сы Юэ посмотрел на него со сложной смесью чувств. Он поднял руку и, стараясь выглядеть по-взрослому солидно, похлопал Бай Цзяня по плечу:

— Ладно, дело прошлое. Не будем ворошить старые раны.

Сы Юэ даже не пытался скрыть свои эмоции. Впрочем, даже если бы попытался, для трехсотлетнего Бай Цзяня он всё равно оставался бы открытой книгой.

Тритон понял, что парень истолковал его слова по-своему, но поправлять не стал. Он лишь на мгновение задумался и чуть отступил, освобождая проход:

— Сходи к дяде Чэню, пусть обработает рану.

Было уже поздно. И для тритонов, и для «человеческих детенышей» наступило время отдыха. Бай Цзянь приложил немало усилий, чтобы оставить Сы Юэ в поместье, и если тот будет здесь просиживать ночи напролет, вся затея потеряет смысл.

Сы Юэ, видя, что Бай Цзянь уклонился от ответа, решил, что задел его за живое. Он внимательно посмотрел на мужчину и впервые осознал, что даже у такого могущественного существа могут быть свои слабости.

— Тогда я пойду к дяде Чэню, — негромко сказал Сы Юэ, решив больше не поднимать такие грустные темы.

Бай Цзянь смотрел вслед Сы Юэ, пока тот спускался по лестнице. Его зрачки превратились в бездонные черные омуты.

У Сы Юэ была очень тонкая талия. Даже в свободной пижаме при каждом шаге ткань обрисовывала её контуры — гибкий и крепкий стан юноши.

Хвост тритона обладает невероятной чувствительностью, превосходящей даже кончики пальцев. Поэтому тогда в бассейне, когда Бай Цзянь обвил хвостом талию Сы Юэ, он каждой чешуйкой ощутил тепло его кожи и ток крови под ней.

Каждая такая секунда пробуждала в самой глубине души тритона древнюю, первобытную жажду.

Дядя Чэнь лично обрабатывал рану Сы Юэ. Вообще-то, на его должности — управляющего огромным поместьем с целым штатом прислуги — ему не полагалось заниматься подобным. Единственным человеком, которому он должен был прислуживать, был Бай Цзянь.

Он промывал порез антисептиком. Спирт, смешиваясь с алой кровью, стекал с ладони. Дядя Чэнь осторожно промакивал кожу стерильной марлей; его движения были отточенными и нежными.

Сы Юэ разглядывал его идеально подстриженные виски и блики на очках. Немного подумав, он придвинул стул поближе и, понизив голос, спросил:

— Дядя Чэнь, а что случилось с родителями Бай Цзяня?

И прежде чем тот успел ответить, Сы Юэ быстро добавил:

— Если это секрет, то не говорите.

— В этом нет никакой тайны, — улыбнулся дядя Чэнь. — Родители господина Бай Цзяня погибли во время шторма, когда он был еще совсем маленьким. Сначала господин жил не здесь, а совсем один на необитаемом острове.

Сы Юэ замер:

— Он что, был дикарем?

Дядя Чэнь тихо рассмеялся:

— Он рано потерял близких, и тот остров был его единственным домом, поэтому он долго не хотел его покидать.

— А как же тогда...

— Больше ста лет назад старый глава клана привез господина Бай Цзяня сюда и вписал его имя в родовую книгу, — медленно рассказывал дядя Чэнь, виток за витком накладывая бинт на ладонь Сы Юэ. — Хотя господин Бай Цзянь не является прямым потомком старого главы по крови, он по праву считается наставником для всех нынешних тритонов. К слову, сам старый глава был старше господина Бай Цзяня всего лет на двадцать.

Сы Юэ выпалил:

— Охренеть... Бай Цзянь настолько крут?

— Прошу вас, молодой господин Юэ, не распространяйтесь о настоящем возрасте господина Бай Цзяня. — Дядя Чэнь обрезал бинт и завязал на тыльной стороне ладони Сы Юэ аккуратный бантик.

У каждой семьи есть свои скелеты в шкафу. Дядя Чэнь рассказал это Сы Юэ в знак особого доверия, признавая его «своим». Такой клан, как Бай, не боялся утечки информации — у них были тысячи способов уладить любой кризис, и в итоге пострадал бы только тот, кто открыл рот.

Сы Юэ прекрасно это понимал. Он кивнул:

— Я понял.

Дядя Чэнь искренне улыбнулся:

— Вы очень смысленный, молодой господин. Неудивительно, что господин Бай Цзянь так к вам привязан.

— ?

Сы Юэ вскинул голову с озадаченным видом и пробормотал:

— И как вы только это поняли?

«Неужели Бай Цзянь так убедительно играет? Почему никто не говорит, что это я к нему

привязан?»

— Вы — единственный законный партнер господина за всю его долгую жизнь. Этого факта достаточно, чтобы понять глубину его чувств. — Дядя Чэнь хоть и был удивлен выбором хозяина, но не считал Сы Юэ плохой партией. Напротив, в кругах «золотой молодежи» Цинбэя Сы Юэ выделялся своей прямоотой и искренностью.

Сы Юэ задумчиво ткнул пальцем в бантик на бинте.

— Да ладно вам. Это просто договорной брак. На моем месте мог быть кто угодно.

Дядя Чэнь лишь загадочно улыбнулся, не став продолжать спор.

Закончив с перевязкой, Сы Юэ пожелал дяде Чэню спокойной ночи. Проходя мимо аквариума, он не забыл попрощаться и с Бай Лу.

Тот вынырнул на поверхность и, опершись на бортик, спросил:

— Брат сказал тебе про завтрашний семейный ужин?

Сы Юэ встрепенулся.

— Дядя Чэнь говорил мне об этом пару дней назад. — Но если бы не напоминание Бай Лу, он бы точно об этом забыл.

— Завтра не будь слишком мягким, — нахмурился Бай Лу. — В семье полно старых хрычей, которые обязательно начнут тебя обсуждать и косо смотреть. Не давай им спуска. Они просто тебе завидуют.

Сы Юэ взял со стола мандарин и, очищая его, лениво спросил:

— И чему же они завидуют?

— Тому, что ты вышел за моего брата! — Глаза Бай Лу блестели от воды, отчего его взгляд казался невероятно искренним. — Гены моего брата — это предел мечтаний. Тритоны обычно держатся своими группами, и в родовую книгу вписывают только прямых наследников. Брат — исключение. Он не кровный сын старого главы, но всё равно занимает там почетное место.

Бай Лу застенчиво улыбнулся:

— Например, я, Бай Ин или Бай Юанье — нас нет в главной книге. Почти никого нет. Поэтому многие тритоны мечтали выйти за брата, чтобы заполучить его гены для своих детей и закрепиться в клане.

Сы Юэ отправил дольку мандарина в рот:

— Значит, они меня ненавидят?

Бай Лу кивнул:

— Еще как! Брата они ненавидеть боятся, а вот на тебе отыграться могут за милую душу.

— ...

— Просто мой брат — слишком лакомый кусочек. Гены тритонов, как и человеческие, делятся на сильные и слабые. У вас ведь тоже есть... ну, недоумки и дурачки?

— Есть, — подтвердил Сы Юэ. — Но мы обычно используем эти слова как ругательства. Если у человека действительно проблемы с головой, мы стараемся так не говорить.

— Да брось, я вот — классический дурачок! — Бай Лу беззаботно шлепнул хвостом по воде.

— ...

— Короче, А-Юэ, взгляни на ситуацию объективно. Мой брат — гений даже по вашим меркам. Точнее, он круче любого человеческого гения. — В глазах Бай Лу Бай Цзянь был абсолютным идеалом.

Сы Юэ поддакнул:

— Если бы я жил триста лет, я бы тоже стал гением.

Бай Лу посерьезнел:

— Не скажи. Завтра увидишь остальных и поймешь: наличие мозгов не зависит от возраста. Некоторым там уже за двести, а они всё равно дебилы. — Сказав это, Бай Лу гордо вильнул хвостом.

— Завтра будет много народу? — спросил Сы Юэ.

— Человек двадцать-тридцать. Придут и те, кто в книге, и те, кто нет. Даже старого главу увидишь... хотя не факт. Он совсем плох, хвост уже начал расслаиваться. Прошлый ужин вел мой брат, и в этот раз, скорее всего, будет так же. Да, и оденюсь завтра официально.

Сы Юэ мысленно перебрал свой гардероб:

— У меня нет с собой ничего подходящего.

— Не парься, брат наверняка уже всё подготовил. У него вкус в сто раз лучше твоего.

— ...

— Спи давай, дурачок, — Сы Юэ бросил мандариновую корку в аквариум. Вода всплеснула, и Бай Лу со смехом принялся ловить её.

На второй день шторма поместье утонуло в тумане. Тайфун задерживался: по прогнозу он должен был ударить еще вчера, но теперь его ждали только послезавтра.

Сы Юэ смотрел в окно на широкие листья камфорного дерева, умытые дождем. Сквозь плотную белую пелену, похожую на тончайший газ, едва можно было что-то разобрать — всё вокруг казалось призрачным и зыбким.

В сети часто писали, что к погоде в Цинбэй невозможно привыкнуть: она капризна и непредсказуема. Постоянные туманы, внезапные ливни, сырость, которая зимой пробирает до костей, а летом душит жарой. Но Сы Юэ был местным — он привык. Какая земля, такие и люди.

Прямо под его окнами раскинулся сад. Розы и лилии в клумбах уже дали первые ростки, аккуратные ряды азалий тянулись к горизонту. Из панорамного окна Сы Юэ был виден третий флигель. Окна там были украшены витражами, а на дверях красовалась искусная резьба с изображением тритонов. В тумане казалось, что каменные фигуры вот-вот оживут.

Перед входом стояла беседка — шесть массивных колонн держали двойной купол. Внутри виднелись каменные скамьи и стол из цельной глыбы камня, грубо отесанной, что придавало месту особый уют.

Сы Юэ зевнул и перевернулся на другой бок.

— Не видела его, он еще дрыхнет, — донесся до него жеманный женский голос. — Я не посмела стучать к нему в комнату, господин Бай Цзянь меня за такое прибьет.

Голос был чересчур громким. И говорили явно о Сы Юэ. Юноша сел в постели и недовольно глянул на часы — не было и девяти утра. Ему было плевать, во сколько он лег; он привык валяться в кровати до полудня, даже если не спал.

Беседка находилась не так далеко от окна, и если говорили громко, Сы Юэ мог разобрать почти всё.

— Господин Бай Цзянь так с ним носитя! Вы слышали? Даже на второй этаж никому подниматься не велел, чтобы этот неженка не проснулся.

— Подумаешь, сокровище.

— Да чего вы боитесь? У людей жизнь короткая. Вот когда он помрет, тогда и пойдете признаваться господину Бай Цзяню в любви.

— Да что ты понимаешь! Бай Цзянь — не чета другим тритонам, которые меняют партнеров как перчатки. Если уж он женился, то второй раз искать не станет. У меня нет шансов!

Сы Юэ с головой накрылся одеялом. В комнате мягко разливался аромат апельсинового диффузора.

Впервые в жизни он слышал в свой адрес: «Вот когда он помрет...». Каков нахал! Говорить такое о восемнадцатилетнем парне — это вообще нормально?

А вот фраза про то, что Бай Цзянь больше никого не найдет, заставила его задуматься. У них контракт на пять лет. Что будет потом — никто не знает.

Вспомнив, как мягко Бай Цзянь разговаривал с ним вчера, и сопоставив это с тем, что кто-то уже ждет его смерти, Сы Юэ в ярости несколько раз перекатился по кровати.

Раздался негромкий, но отчетливый стук.

Сы Юэ откинул одеяло и хрипло крикнул:

— Входите.

Дверь открылась. Дядя Чэнь вошел, неся большую темно-коричневую коробку. Он поставил её на стол и повернулся к Сы Юэ:

— Молодой господин Юэ, пора вставать и приводить себя в порядок.

— Что в коробке? — спросил Сы Юэ.

— Костюм, сшитый по заказу господина Бай Цзяня, — почтительно ответил дворецкий. — Сегодняшний ужин — это день вашего официального представления семье, поэтому вы должны выглядеть подобающе.

Это Сы Юэ понимал. Мать, Вэнь Хэ, часто таскала его на всякие приемы. Раз костюм принесли — так тому и быть.

— Я переоденусь и спущусь, — Сы Юэ снова плюхнулся на подушку.

Дядя Чэнь: — ...

Он видел, что парень просто ленится вставать, но промолчал. Сы Юэ был, пожалуй, единственным источником живой энергии в этом доме.

— Обед начнется ровно в двенадцать. Пожалуйста, не опаздывайте.

— Угу... — Сон у Сы Юэ уже прошел, он просто хотел полежать. В Цинбэй погода сама шептала: «Ляг и лежи».

Он встал впритык. Со скоростью торнадо умылся, почистил зубы и оставил последние пятнадцать минут на одежду.

Костюм был черным, из мягкой шерсти. Белоснежная сорочка из поплина с деликатной вышивкой на воротнике и простой черный галстук. Застегивая пуговицы, Сы Юэ оценил фасон: слава богу, у Бай Цзяня не было таких дурацких вкусов, как у его матери — никаких кружев, фраков или лаковых сапожек.

Когда он застегивал верхнюю пуговицу рубашки, в дверь снова постучали.

— Войдите! — крикнул Сы Юэ, задрал подбородок.

Он думал, это дядя Чэнь пришел его торопить, но в зеркале отразился Бай Цзянь. Сы Юэ на мгновение замер. Он уже видел мужчину в костюмах, но сегодня тот выглядел подчеркнуто официально.

Бай Цзянь был идеальной моделью: широкие плечи, узкая талия, длинные ноги. Сшитый по фигуре костюм сидел на нем безупречно. Очки добавляли его аристократичному облику нотку легкой небрежности.

— Я думал, ты уже закончил, — Бай Цзянь подошел ближе и достал из коробки жилет.

Слишком строгая классика не очень подходила юному Сы Юэ, поэтому Бай Цзянь попросил дизайнера добавить в образ молодежные детали.

Сы Юэ взял жилет и начал надевать его.

— Откуда ты знаешь мой размер?

Бай Цзянь опустил взгляд:

— Если скажу, что определил на глаз, поверишь?

— Поверю, — Сы Юэ приложил брюки к себе — длина была в самый раз. Он уже привык к компании Чжоу Янъяна, да и Бай Цзянь казался ему «своим парнем», поэтому он без лишних церемоний скинул пижамные штаны, оставшись в одних боксерах. Мелькнули его прямые, стройные ноги.

Натягивая брюки, он продолжил:

— Ты ведь тогда просто сжал мои пальцы и сразу понял размер кольца. Я уже не удивляюсь.

Пока Сы Юэ возился с молнией, он не заметил, каким обжигающим взглядом Бай Цзянь скользнул по его телу.

— Кстати, — вспомнил Сы Юэ, — около девяти утра у тебя в саду какие-то девицы болтали.

— М-м? — низким голосом отозвался Бай Цзянь.

— Одна из них в тебя влюблена, — Сы Юэ недовольно поморщился. — Сказали, что ждут моей смерти, чтобы признаться тебе.

На лице юноши было написано искреннее возмущение. У Сы Юэ были довольно резкие, выразительные черты лица, придававшие ему вид дерзкого подростка. Когда он злился, даже Чжоу Янъян предпочитал помалкивать. Но его гнев мог напугать только сверстников.

Для Бай Цзяня же — что возраст Сы Юэ, что его импульсивность — всё это укладывалось в одно определение: «детеныш».

— Не принимай их слова близко к сердцу, — улыбнулся Бай Цзянь. Он вдруг протянул руку и поправил воротничок Сы Юэ. Его пальцы были ледяными, отчего парень вздрогнул.

— Мне просто любопытно, Бай Цзянь. Почему все тебя одновременно и боятся, и обожают? — Сы Юэ надел пиджак и серьезно посмотрел на мужчину. — Из-за того, что ты такой старый?

— Старость сама по себе — не повод для любви. И уж точно не повод для страха.

— Им нравится не я сам, а ценности и власть, которые стоят за моей спиной, — спокойно ответил Бай Цзянь, словно говорил не о себе, а о ком-то постороннем.

Сы Юэ кивнул. Он сосредоточенно завязывал галстук, когда услышал тихий вопрос Бай Цзяня:

— А-Юэ, ты правда считаешь меня старым?

«Старым?»

Вопрос застал врасплох.

Сы Юэ поднял голову. У него были миндалевидные глаза с «лисьим» разрезом — такие глаза кажутся невероятно внимательными, когда человек на чем-то сосредоточен. К счастью, его общая мужественность и прямой характер смягчали ту двусмысленность, которую обычно дарил такой разрез глаз. Но если смотреть только в его глаза, можно было легко потерять голову.

Сы Юэ облизнул пересохшие губы. Вопрос был непростым. Он замялся, и даже его руки невольно замедлили движения.

— Для меня «триста лет» — это уже за пределами понимания, тут «старый» или «не старый» — не те слова, — честно ответил Сы Юэ. — Это просто... другой масштаб времени.

Заметив на лице парня тень неловкости, Бай Цзянь усмехнулся:

— Можешь говорить как есть.

— Это и есть правда. Но мне вот что интересно: триста лет для тритона — это возраст дряхлого деда? — Сы Юэ окинул Бай Цзяня взглядом. Тот никак не тянул на старика — выглядел как ровесник его старшего брата, но статью превосходил отца Сы Юэ в тысячи раз.

— Просто вчера Бай Лу сказал, что вашему главе тоже чуть за триста, и он такой старый, что у него даже хвост расслаивается, — Сы Юэ закончил с галстуком и перевел взгляд на ноги Бай Цзяня, которые были заметно длиннее его собственных. — Я видел твой хвост вчера. Он не расслаивается.

— ...

Сы Юэ пристально смотрел на его ноги. Вдруг чьи-то пальцы обхватили его подбородок и заставили поднять голову. Рука Бай Цзяня была холодной.

Взгляд тритона за стеклами очков стал пугающе многозначительным. Он ласково провел большим пальцем по нежной коже Сы Юэ. Его голос звучал неторопливо, с оттенком мягкой досады:

— А-Юэ, я должен предупредить тебя. Так пристально разглядывать хвост тритона — это крайне неприлично.

Сы Юэ попытался возразить:

— Но сейчас это не хвост. На ноги-то смотреть можно?

— Нельзя.

— Даже просто смотреть?

Бай Цзянь улыбнулся:

— Даже просто смотреть.

<http://bllate.org/book/14657/1301498>